

УДК 2-13
ББК 71.05
DOI 10.25281/2072-3156-2023-20-6-658-668

С.С. СОКОВИКОВ, Е.А. КАМИНСКАЯ

СПОНТАННАЯ ИЕРОТОПИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИФОТВОРЧЕСТВЕ: СЛУЧАЙ АРКАИМА

Сергей Степанович Сокоиков,
Челябинский государственный институт культуры,
кафедра философии и культурологии,
доцент
Орджоникидзе ул., д. 36-а, Челябинск, 454091, Россия

кандидат педагогических наук, доцент
ORCID 0000-0002-2151-2684; SPIN 7477-3224
E-mail: sokovik49@mail.ru

Елена Альбертовна Каминская,
Институт современного искусства,
проректор по учебно-методической работе,
кафедра режиссуры театрализованных
представлений и праздников,
профессор
Новозаводская ул., д. 27а, Москва, 121309, Россия

доктор культурологии, профессор
ORCID 0000-0003-0529-0601; SPIN 7839-0945
E-mail: kaminskayae@mail.ru

Реферат. Рассматривается явление спонтанной иеротопии как процесса стихийной сакрализации мест, обладающих, по представлениям участников этой деятельности, сверхъестественными свойствами. Его развитие обусловлено, с одной стороны, действием укорененного в культурном сознании образа священного, с другой — современ-

ными социокультурными проблемами, по отношению к которым спонтанная иеротопия выступает как компенсирующий фактор. Это явление обладает недостаточно отрефлексированным позитивным потенциалом, воплощающимся в совокупности жизненно важных функций. Поэтому целью данной работы выступает анализ особенностей спонтанной иеротопии, эксплицирующей реальные потребности участвующих в этой деятельности субъектов, которые действуют вне установок институциональных систем, в том числе конфессиональных. Поэтому их культуротворчество характеризуется эклектичностью и бриколажным способом создания сакральных артефактов, что типично для спонтанного мифотворчества в целом.

Самостоятельность и неподконтрольность этого явления общепринятым институциональным системам порождает резко критичную реакцию со стороны светских (научных) и религиозных (традиционных конфессиональных) инстанций. Анализ показывает недостаточную объективность такой критики: претензии к ненаучности спонтанной иеротопии неосновательны в силу того, что она фундируется на мифологическом воображении; несоответствие каноническим установкам есть неустранимое следствие личностно-творческого ситуативного конструирования сакральных объектов.

Конкретизация особенностей спонтанной иеротопии, произведенная на примере археологического памятника Аркаим, позволила предметно выявить основные закономерности процесса стихийной сакрализации, установить насущность отраженных в ней проблем. Проанализированы специфические черты формирования сакрализуемых локусов. Охарактеризована особая атмосфера толерантности, миролюбия и позитивного взаимодействия, присущая подобным местам в силу совокупности их субъективных и объективных свойств.

Ключевые слова: иеротопия, спонтанность, стихийность, сакрализация, ритуальность, Аркаим, место силы, археологический памятник, мифологизация, культуротворчество, философия культуры, религиозная культура.

Для цитирования: Сокоиков С.С., Каминская Е.А. Спонтанная иеротопия в современном мифотворчестве: случай Аркаима // Обсерватория культуры. 2023. Т. 20, № 6. С. 658–668. DOI: 10.25281/2072-3156-2023-20-6-658-668.

Проблемные аспекты современной культуры затрудняют обретение современным человеком целостной позитивной идентичности. Процессы глобализации и унификации, перенасыщенность культурного пространства разнообразной, нередко противоречивой информацией, все больший отрыв от гармонии естественной природы, прагматизация и избыточное оповседневнивание жизненного уклада неизбежно приводят к размыванию духовных констант и фрагментации культурного сознания. В то же время происходит снижение роли институциональных регулятивов, в том числе традиционных религий, в обеспечении полной картины мира [1, р. 9]. Однако эти тенденции закономерно порождают стремление к восстановлению трансцендентного/сакрального, с тем чтобы в его проявлениях найти точки духовной опоры, прочные и, как представляется ищущим, укорененные в традиционных основаниях. Одной из форм воплощения этого выступает поиск особых мест силы — локусов реального пространства, обладающих сверхъестественными свойствами и способных при обращении к ним произвести благотворный эффект.

Поиск подобных сакральных мест и связанные с ними культурные практики чаще всего получают негативные оценки со стороны светских и религиозных институций. Первые резко критикуют антинаучность и иррациональность представлений, связанных с местами сил, вторые видят в них проявление бесовства и сатанизма [2, с. 26]. Не сво-

дя дело к апологии означенного явления, можно тем не менее полагать, что оно представляет собой закономерно возникающий феномен, более многомерный, содержащий в том числе позитивные основания и в любом случае выступающий симптоматикой актуальных проблем. Поскольку практики такого рода регулярно воспроизводятся и имеют тенденцию к росту, но часто воспринимаются слишком однозначно и предвзято, возникает целесообразность более объективного их понимания. Поэтому цель настоящей статьи состоит в анализе функциональных и смысловых особенностей спонтанного возникновения локусов, обладающих для адептов сакральным значением.

ЯВЛЕНИЕ СПОНТАННОЙ ИЕРОТОПИИ

Иеротопия понимается как органично присущее человеку стремление к формированию пространственных локусов общения с трансцендентными силами. А.М. Лидов, предложивший концепт иеротопии, рассматривает ее как особый вид творческой деятельности, сочетающий стихийные первичные импульсы и осознанные практики [3, с. 9–10]. При этом иеротопия не представляется сугубо произвольным актом: ей предшествует иерофания, по словам М. Элиаде, «некое вторжение священного», обнаруживающее себя через особые знаки и тем самым наделяющее определенный локус сакральными свойствами и значениями [4, с. 25]. Разумеется, предметно-действенное оформление сакральных мест входит в практики организованных, институционально закрепленных религий. Однако нас в большей мере интересует стихийное культуротворчество в этом направлении. Американские специалисты по сакральной архитектуре Х. Бермудес и М.Дж. Кросби обращают внимание на радикальные трансформации концепций священного пространства, произошедшие в последние десятилетия. Опираясь на конкретные исследования, авторы констатируют сокращение числа людей, принадлежащих к организованным религиям. В то же время люди продолжают поиск мест, способных дать им подлинное личное переживание духовного, однако вне общепринятых представлений о «религиозном» [5].

В подобных поисках пространственная локализация сакрального выступает важным обстоятельством: конкретизация места дает возможность опредмечивания духовных интенций, их воплощения в реальных формах деятельности. Субъектами такой активности могут выступать отдельные лица или сообщества, которым, по выражению ан-

трополога Я. Строуна, свойственна «предрасположенность к сакральному» [6, р. 166]. Поскольку их действия в этих случаях не определяются институциональными установками, ведущую роль выполняет субъективное конструирование сакральных значений места. Именно творческое воображение стремящихся открыть место силы и обрести причастность к нему выступает основой алгоритма спонтанной иеротопии. Здесь приходят в действие механизмы, которые В.А. Шнирельман обозначает как «народное воображение» [7, с. 35], а Е.К. Сокина называет «народной мифологией» [8, с. 82].

В таких ситуациях культурное пространство понимается и переживается как потенциально содержащее «священные» места, которые обнаруживаются самопроизвольно. Согласно концепции «ситуативного» сакрального пространства место силы возникает как результат специфичных действий, «маркирующих» локус в качестве особо значимого — трансцендентного, священного. Упомянутая специфичность действий состоит в их ритуальном характере. Я. Строун аргументированно утверждает: социокультурное производство священного пространства теснейшим образом ассоциировано с действием ритуальной практики как механизма, с помощью которого обычные, казалось бы, места приобретают необычайное значение и эффективную действенность. Более того, по его мнению, священное пространство само по себе является ритуальной практикой, а не просто местом, где это происходит [6, р. 166]. Британский исследователь пространственных аспектов культовой духовности Дж. Холлоуэй подчеркивает, что священное заново изобретается и воспроизводится именно в определенных ритуальных практиках, особо выделяются аффективные переживания, возникающие в ходе реально-телесного воплощения таких действий: святость пространства телесно разыгрывается и физически ощущается как сакральная [9, р. 1965].

Роль ритуала в спонтанной иеротопии чрезвычайно важна. Ритуал выступает в качестве:

- ♦ акта символического выделения сакрализованного локуса;
- ♦ формы установления связи действующих в ритуале людей с этим местом;
- ♦ процедуры наделяния элементов локуса специфичными функциональными значениями;
- ♦ прецедента основания «традиционных» способов поведения в этом пространстве.

Таким образом, вне ритуального действия не совершается «освящение» места в статусе сакрального, без ритуальных практик невозможно реальное соприсутствие и взаимодействие с ним. Ритуалы, как правило, имеют общепринятый в определенной группе характер и в поведенческом плане часто воплощаются в формах коллективной деятельности.

Однако в случае спонтанной иеротопии первичные импульсы ритуальности в значительной мере определяются индивидуально-личностными мотивами. Человек, ищущий особое сакральное место, но не регламентированный при этом установками институциональных систем, обретает свободу «ритуального творчества», способствующего бегству из «профанной» среды, нагруженной стрессом, посредством воображения священного пространства [10, р. 33]. Рассматривая различные модели создания священного пространства, китайские исследователи особо выделяют ситуации спонтанного превращения профанного в сакральное с помощью свободных и гибких действий в соответствии с активными запросами личности в любом избранном для этого месте [10, р. 38]. Подобное разнообразие личностных мотивов и отсутствие канонических установок в такой иеротопии определяет целесообразность более подробного рассмотрения ее процессов.

ПРОЦЕССЫ СПОНТАННОЙ ИЕРОТОПИИ

Первичным условием спонтанной иеротопии является обнаружение места, обладающего по представлениям ищущих некими особыми характеристиками и еще не «освященного» в полной мере. По сути, такое место выступает как *terra nulla* — «ничья земля», потенциально содержащая требующие открытия сакральные смыслы и представляющая «исходный топос конституирования новых социальных и культурных отношений», в рамках которых «не действуют сложившиеся социальные нормы» [11, с. 61]. Когда некоторая необычность места воспринята, срабатывает установка на обнаружение знаков, подтверждающих этот статус. Знаками, указывающими на сверхъестественные свойства локуса, могут послужить самые разнообразные признаки: необычный инцидент, произошедший с посетившими это место людьми; актуализация и реинтерпретация связанных с ним мифологических или фольклорных сюжетов; природные явления, прочитанные в таком ключе; фантазийное переосмысление исторического прошлого места; произвольные ассоциации географических, ландшафтных особенностей места с мифологическими мотивами и образами и т. д.

Обнаружение необычайных свойств места делает не только возможным, но и необходимым процесс наделяния сакральными функциями элементов структуры локуса. Возникают «проекции ментальных конструкторов в область топологических» [11, с. 60], иначе говоря, на реальный локус и его составляющие проецируются конденсирован-

ные в образных формах ожидания людей, испытывающих потребность соприкоснуться с чем-то сверхъестественным, чудесным, но вполне предметно воплощенным и способным необычным путем помочь им в решении реальных жизненных проблем. В силу значительной доли иррациональности таких проекций механизмом их осуществления выступает мифологизация, понимаемая как непрофессиональная интерпретация актуальных явлений и проблем без опоры на фактологические системно-научные основания [12, с. 725].

В спонтанной иеротопии этот процесс лишен предуготованных образцов, поэтому он неизбежно носит эклектичный характер. При формировании мифологии нового сакрального места происходит причудливое переплетение элементов различных религий и культов, мифологических и фольклорных сюжетов, соотносимых по принципу спонтанных ассоциаций. В результате возникает достаточно связная мифологическая конструкция, созданная методом бриколажа — производства артефакта из подручных средств и материалов. К. Леви-Строс не без оснований усматривает в мифопоэтическом характере бриколажа сущность мифологического мышления, отмечая, что бриколажность позволяет мифологической рефлексии преодолевать «искажающую призму официальных религий» [13, с. 193].

В случае спонтанной иеротопии бриколажность представляется органично присущим ей свойством, действительно проявляющимся в современности. Так, К. Кьюсак, анализируя процессы изобретения новых форм сакральности, особо выделяет создание бриколажа верований и практик через свободный выбор различных элементов, вплоть до, казалось бы, диаметрально противоположных в контексте «плавающей духовной матрицы» вне влияния «какой-либо авторитетной религиозной организации» [1, р. 17–18].

Вместе с тем религиоведы Л.Д. Пуппо и Й. Шмоллер считают, что сакральные места не следует рассматривать в качестве «пустых холстов», на которые можно проецировать различные значения, поскольку, по их мнению, такие места сами преобразуют идентичности посещающих их людей способами, которые невозможно контролировать [14, р. 126]. Если иметь в виду священные места, значение которых исторически закреплено в канонической традиции, с этим нельзя не согласиться. Однако в случае спонтанной иеротопии дело обстоит иначе. На «холсте» вновь открытого места различные субъекты, не ограниченные каноническими установками, вправе «живописать» свои представления (интерпретации), исходящие из личностных импульсов, запросов и потребностей и воплощающие личное сакральное взаимодействие с миром [15, с. 433].

Другое дело, что такая сакрализация не является собой чистое креативное творчество, создающее беспрецедентно оригинальный продукт. При всей стихийности и бриколажности она предполагает отсылку к некоему архаическому прошлому, которое свидетельствует об исконно присущей месту сакральности. Этот процесс для участвующих в нем представляется не произвольной игрой воображения, а регенерацией архаических представлений [7, с. 34]. Таким образом, стремление придать новому сакральному месту ореол легендарной традиционности порождает эффект именно возрождения, восстановления его исконного статуса, независимо от степени фантазийности в создаваемом образе. Как показывает Я. Строун, подобный путь сакральной «архаизации» осуществляется благодаря активному манипулированию физической средой места и переплетению нарративов. По его образному выражению, такие места одновременно высечены из камня и вырезаны из истории [6, р. 173]. Отдавая должное смысловой точности метафоры американского исследователя, следует все же уточнить, что создатели «новой/старой» сакральности действуют с искренней верой в истинность происходящего. Поэтому более уместно говорить не о манипулировании, а об основанном на творческой фантазии оперировании элементами.

Несмотря на апелляцию к архаике, спонтанная иеротопия представляет собой вполне современное явление, порожденное актуальными мотивами. Это может быть надежда на физическое или духовное исцеление; получение необычного, но благотворного опыта; совершенствование собственных качеств; на сверхъестественную, но действительную помощь в решении различных «внешних» проблем и т. п. Именно сверхъестественность сакрального локуса, не подвластная рациональным ограничениям, делает функциональный потенциал объекта сакрализации многомерным. К числу функций таких мест Е.К. Созина относит консолидирующую, медиаторную, коммуникативную, протекторную, лечебную, природоохранительную, инициационную [8, с. 87].

В.Б. Яшин выделяет следующие функции: медиаторная (посредничество между человеком и сакральной сферой), консолидирующая (центрация людей определенной территории), инициационная (ритуально-посвятительная), коммуникативная (центр активного общения), протекторная (защитная), лечебная (оздоровительная), природоохранная (обережение животных и растений), сотериологическая (спасение в вере), компенсаторная (символическое повышение регионального статуса) [16, с. 97]. Следует отметить, что компенсаторное значение сакральных мест не сводится к попыткам символического устранения региональной «недостаточности». По сути, компенсаторность

выступает одной из составляющих всех названных функций.

Для более предметного представления функционального потенциала мест, образуемых путем стихийной сакрализации, целесообразно рассмотреть проявление общих свойств явления иеротопии и специфику их воплощения в конкретном месте. В этом смысле достаточно репрезентативным выступает случай Аркаима.

АРКАИМ КАК ПРОСТРАНСТВО СПОНТАННОЙ ИЕРОТОПИИ

Аркаим был обнаружен в 1987 г. во время археологического обследования на юге Челябинской области. Он является одним из более чем 20 поселений бронзового века, расположенных на территории так называемой синташтинской культуры, существование которой относится к периоду XXI–XVIII вв. до н. э., получившей также название «Страна городов». Топоним «Аркаим» происходит от тюркоязычного названия расположенной неподалеку горы.

Аркаимское городище имеет круглую форму с концентрически-кольцевой внутренней планировкой и прямоугольной площадью в центре. Археологические материалы свидетельствуют о достаточно высоком для того времени уровне развития культуры: древние жители занимались скотоводством, сложными ремеслами, выплавкой металла, военным делом. Были продуманы системы отопления, водоснабжения и канализации. Вместе с тем исследования последних лет показывают, что аркаимское городище представляет собой не некое уникальное в научно-историческом смысле явление, а вполне типичное для синташтинской культуры укрепленное поселение [17]. Однако именно Аркаим обрел легендарную известность и стал точкой притяжения для множества самых разных людей в качестве места силы. Симптоматично, что даже в художественных произведениях, в том числе в трех балетах, созданных на тему Аркаима, он представлялся именно в мифологизированном, легендарно-архаичном ключе [18].

Первотолчком послужили обстоятельства, связанные с судьбой самого археологического объекта. Территория, на которой он расположен, предназначалась для затопления в процессе строительства водохранилища. Развернулась драматическая борьба за сохранение аркаимского городища как исторического памятника, в ходе которой археологи по понятным мотивам несколько преувеличивали историко-куль-

турную значимость объекта. Возникают сугубо гипотетические, фантазийные образы Аркаима как прародины древних «ариев», места зарождения текстов Ригведы и Авесты, индуизма и зороастризма (вплоть до объявления Аркаима родиной и местом захоронения Заратустры), истока расселения народов, создавших затем великие культуры Ирана, Индии и др. Само общество древних «аркаимцев» представлялось образцом гармоничного цивилизационного уклада, «оппонирующего» недостаткам современного технократичного и мало-духовного социума [8, с. 83–87]. Перипетии борьбы за сохранение памятника активно освещались в медиапространстве, поэтому яркие паранаучные образы были быстро восприняты широкой аудиторией. Тем самым необычно значимое «место» было обнаружено и обнародовано. Следует особо отметить, что пик «битвы за Аркаим» пришелся на переломное для страны время общего социокультурного кризиса, распада СССР и слома привычных мировоззренческих ориентиров, дискомфорта, что требовало компенсации, восполнения возникших символических лакун. В том числе и поэтому созданный в 1991 г. историко-ландшафтный заповедник «Аркаим» быстро стал местом паломничества людей, стремившихся прикоснуться к чему-то сверхъестественно благотворному.

Важную роль в этом сыграл археологический статус объекта. В процессе мифологизации он переосмысливается как свидетельство легендарного прошлого, проецирующего в настоящее изначально присущую месту сакральность. Архаичность в этом случае срабатывает как компенсаторный фактор для людей, чувствующих недостаточность актуальной культурной среды. В.Е. Силина справедливо отмечает, что именно в археологических зонах люди с особой остротой переживают «свою связь с предками, с духами умерших и древними цивилизациями, которые и помогают достичь небывалых высот мудрости и просветления» [15, с. 433].

В случае Аркаима немаловажное значение имеет также органичная связь древних поселений с естественно-природной средой в контрасте с ситуациями техногенной цивилизации. В мифологизирующем воображении такая связь интерпретируется как еще одно доказательство мистического характера места. Американский исследователь современных духовно-экологических проблем А. Ивахив подчеркивает закономерность возникновения подобных мест силы, жизненной энергии, надчеловеческой природы, не заглушенной «шумом» современной цивилизации. Причем эти новообретенные места, по мнению субъектов спонтанной иеротопии, были основаны в прошлом как артефакты легендарных цивилизаций, располагавшиеся именно в мощных «энергетических точках»,

которые древние народы либо воспринимали интуитивно, либо находили с помощью прото- или квазинаучной геомантии [19, р. 266–267]. Отсюда участники стихийной сакрализации вновь обретенного места видят в этом акт восстановления его истинного предназначения. В этом смысле «энергетика» Аркаима как места силы для верующих в нее совершенно бесспорна [7, с. 35; 15, с. 433] и служит основанием для самых разнообразных толкований. Стоит привести характерное высказывание одной из аркаимских паломниц: «Если на Аркаиме ждешь чуда, оно обязательно произойдет. Здесь вибрации такие» [20, с. 30].

Е.В. Куприянова, долгое время работавшая в заповеднике «Аркаим», свидетельствует об активных процессах мифологизации аркаимского пространства, происходивших буквально на глазах сотрудников заповедника и носивших стихийный характер. В ходе такого «творчества коллективного бессознательного» [2, с. 23] паломниками были определены символически значимые точки сакрализуемого пространства, создана связанная с ними разнообразная сюжетика, выработаны ритуалы, соответствующие представлениям о функциональном назначении каждого локуса, существенно расширена «сакральная география» Аркаима, выходящая за пределы самого поселения. Так, в пространство места силы вошли расположенные в округе сопки, причем они были переименованы, что вполне типично для стихийной мифологизации. Каждая из них не только сменила название (сопка Лысая «обратилась» горой Шаманкой, Черкасинская — горой Разума, Грачевая — горой Любви и т. д.), но и обрела особую символическую функцию: дарования здоровья и энергии; духовного очищения и покаяния; обеспечения удач в личной жизни; снятия порчи и сглаза и др. [21, с. 47–49]. Даже такое краткое перечисление функциональных значений сакрализованных локусов отчетливо говорит о широте спектра проблем, вера в решение которых и порождает мифологизацию аркаимского пространства.

При всей стихийности и локальных особенностях такого культуротворчества в нем отчетливо прослеживаются черты, присущие современному мифотворчеству в целом. Так, практически на всех «сакрализованных» сопках паломники выложили каменные спирали (лабиринты). Прохождение по ним представляет особые ритуалы, причем разные паломники вкладывают в них различные смыслы. Болгарский историк сакральной архитектуры А. Сарбова отмечает современную востребованность этого архетипического пространственно-действенного мотива, подчеркивая, что лабиринт является самым простым и в то же время самым сложным сакральным пространством, провоцирующим и организующим движение-

ритуал, порождая подсознательную ассоциацию акта прохождения лабиринта с духовным опытом самопознания и возрождением связи между человеком и природой [22, р. 383]. Универсальная действенность подобного «ритуально-лабиринтного» феномена подтверждается как его многочисленными воплощениями в аркаимском пространстве, так и использованием паломниками самого разного толка и типов верований.

Тема лабиринта связана также с целительной функцией сакрального места. На это обстоятельство указывает, в частности, американский исследователь объектов лечебной среды П. Альт, опираясь в том числе на конкретный медицинский опыт клинического психолога Э. Тика. П. Альт говорит о целительных свойствах священных локусов в целом и о том, что лабиринт — полезная и глубокая метафора священного пространства и целительных путешествий паломников-пациентов [23, р. 287]. Реальность целительного эффекта сакральных мест подтверждают результаты британской исследовательницы Дж. Перриам: помимо констатации случаев улучшения здоровья после посещения таких объектов, позитивный эффект возрастает по мере того, как рассказы об исцелении распространяются между людьми и группами [24, р. 20]. Анализ отечественных практик паломничества показывает ту же тенденцию [7, с. 32; 25].

Изначальная стихийность аркаимской иеротопии объясняет чрезвычайное разнообразие ее вариантов со стороны приверженцев самых различных представлений. Это место посещают шиваиты, кришнаиты, рериховцы, шаманисты, огнепоклонники, неоязычники и т. д. [26, с. 58]. В процессах сакрализации переплетаются элементы «простонародного христианства», даосизма, буддизма, индуизма, друидизма, славянской, скандинавской и иных мифологий [20, с. 27]. Часть паломников — это люди, не связанные с какими-либо определенными культовыми представлениями, поэтому возникают случаи «изобретения мифа», которые могут показаться курьезными. Так, забетонированный пятачок в центре поселения, сделанный для геодезических измерений, был реинтерпретирован как центральная точка сакрального места, через которую проходит мощная энергетическая струя. Вскоре возникло обыкновение размещать на площадке свечи и монеты в качестве подношений. В другом случае предметом мифологизации стала воздвигнутая у горы Шаманки скульптура Б. Качеровского (1999) в виде стилизованных фигур лошади и женщины на колонне из дикого камня. Стихийно сложилось поверье, по которому для осуществления загаданного нужно поцеловать или обнять женщину и приложить голову к солнечному знаку на груди лошади. Вскоре к скульптуре выстроилась очередь из стремящихся исполнить ритуал [2, с. 23].

На первый взгляд подобные ситуации могут показаться нелепыми, дискредитирующими возможности позитивного потенциала спонтанной иеротопии. Однако такие оценки, возникающие нередко, исходят из представлений исключительной истинности только сугубо рациональных, схематично-сциентистских оснований или канонических конфессиональных установок. При этом упускается значимость реально действующего субъективно-личностного начала, выступающего в таких ситуациях мотивационной основой и выражающего потребности, порожденные актуальными проблемами. Приобщение с помощью творческого воображения к чему-либо необычному, чудесному, относящемуся к иной сфере бытия, обогащает субъективное переживание ситуации, образуя реальный, действенный эффект. По точной мысли М. Элиаде, сакрализованный объект остается простым предметом физического пространства, но для тех, для кого в нем проявилось священное, «его непосредственная, данная в ощущениях реальность преобразуется в реальность сверхъестественную» [4, с. 18], способную ответить личностным импульсам паломников. В этом смысле представляется излишне категоричной оценка содержания записок, оставляемых паломниками на Аркаиме, как выражение сугубо «эгоистических меркантильных потребностей» [2, с. 24]. Мотивом таких обращений к сакральному, по искренним представлениям людей, месту выступает вполне естественная надежда на помощь в решении личных проблем, что вряд ли заслуживает негативного отношения.

Особое значение, на наш взгляд, имеет атмосфера толерантности, доминирующая в пространстве Аркаима. Общеизвестны конфликтные ситуации, возникающие между представителями различных конфессий по поводу «священных мест». Такие конфликты изучаются, разрабатываются специальные технологии, направленные на поиск плюралистичных вариантов совместного использования священного пространства (вместо противостояния, иногда смертоносного).

В значительной мере такие разработки опираются на концепцию «неделимости священного пространства» религиоведа и политолога Р. Хасснера. Анализируя множество малоудачных попыток разрешения конфликтных ситуаций [27, р. 19–31], он приходит к закономерному выводу о монолитной целостности любого сакрального пространства с присущими ему четко определенными и негибкими границами. Внутреннюю жизнь священного места определяют строгие правила, которые препятствуют возможности входа и присутствия любых «иных» (чуждых) субъектов. По Р. Хасснеру, в отличие от двумерности физически реальной территории священное пространство метафизически одномерно [27, р. 13]. Такой подход пред-

ставляется справедливым по отношению к священным местам, принадлежащим организованным, институционально закрепленным конфессиям. «Одномерная» жесткость их установок и приводит к конфликтам при попытках «разделить» это пространство с «иными».

Ситуация Аркаима в этом смысле принципиально иная. Он представляет как раз открытое пространство, вмещающее активность паломников самых разнообразных верований и ориентаций. Происходит постоянное переопределение достаточно условных границ, в том числе через сакрализацию новых объектов и включение новых акторов. Многочисленные свидетельства говорят о царящей на Аркаиме атмосфере доброжелательности и взаимоуважения между людьми, разделяющими различные представления и верования [2, с. 24; 7, с. 32; 20, с. 33]. Более того, ритуалы приверженцев разных «мифологий» часто проводятся поочередно в одних и тех же локусах, сакрализуемых всякий раз «по-своему». В коллективных ритуалах может принимать участие любой человек без малейшей дискриминации по какому-либо социокультурному признаку. Появившиеся существенно позже периода сугубо стихийной мифологизации Аркаима «предводители» различных групп паломников проповедуют позитивные идеи согласия, дружелюбия, мира, всеобщего братства, призывая к созданию «общества всеобщей гармонии» [7, с. 32]. Независимо от частых негативных реакций на происходящее в Аркаиме со стороны специализированных (научных и религиозных) кругов, в его пространстве «господствует общее стремление к исцелению, преодолению физических недугов, духовному восстановлению и преобразению» [26, с. 58]. Создавая свой собственный миф об Аркаиме, никто из «мифотворцев» не претендует на символическую узурпацию этого места.

Таким образом, процессы стихийной иеротопии сформировали на Аркаиме многомерное пространство, общее для различных субъектов сакрализации и основанное на принципах терпимости, миролюбия и позитивного взаимодействия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Спонтанная иеротопия порождается в современности комплексом социокультурных проблем, приводящих к поискам неординарных способов компенсации их остроты. Неудовлетворенность возможностями институциональных систем стимулирует стихийную активность людей в открытии новых мест силы, способных сверхъестественным образом благотворно воздействовать на духовные и физические состояния. Пространственная конкретизация таких мест придает

символическую достоверность происходящему в них контакту с трансцендентными силами посредством ритуальных действий. Субъекты спонтанной иеротопии не программируемы какими-либо каноническими предписаниями, сакрализация обнаруженного места происходит с помощью творческого воображения, а ее артефакты создаются через бриколажное конструирование, присущее мифологическому мышлению в целом.

Первичные импульсы спонтанной иеротопии в значительной мере определяются индивидуально-личностными мотивами, что в отсутствие утвержденных традицией образцов ведет к субъективно-творческим способам создания сакральных образов. В отличие от институциональных духовно-символических систем пространство стихийной сакрализации создается и существует как открытая среда, обладающая потенциалом толерантности, миролюбия и позитивного взаимодействия. Отвечая насущным потребностям людей, эта среда выполняет спектр функций, важнейшими из которых являются компенсаторная, коммуникативная и лечебно-оздоровительная.

Неподконтрольность таких практик институциональным системам, их несоответствие научно-рациональным и религиозно-каноническим установкам часто приводит к резко критичным оценкам этого явления. При этом в тени остаются позитивные аспекты явления: обогащение духовного опыта, не аннулирующее другие пути; получение положительных эмоций; восстановление душевного равновесия; реальные позитивные терапевтические эффекты; воспитание толерантности и миролюбия и др.

Конкретизация особенностей спонтанной иеротопии на примере пространства археологического памятника Аркаим подтверждает обоснованность приведенных выше положений. Созданная в результате совокупного культуротворчества паломников динамичная среда «аркаимской мифологии» демонстрирует открытость для любого человека, стремящегося к встрече с необычным, внерациональным, но дающим надежду на лучшее.

Список источников

1. *Cusack C.M.* *Invented Religions: Imagination, Fiction and Faith.* Surrey, England : Ashgate, 2010. 179 p.
2. *Куприянова Е.В.* Заповедник «Аркаим» и проблемы популяризации археологии на Южном Урале // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2014. №12 (341), вып. 60. С. 22–29.
3. *Лидов А.М.* Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. Москва : Дизайн. Информация. Картография, 2009. 352 с.
4. *Элиаде М.* Священное и мирское / пер. с фр. Н.К. Гарбовского. Москва : Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
5. *Crosbie M.J., Bermudez J.* Searching for New Sacred Space // *Faith & Form : The Interfaith Journal on Religion, Art, and Architecture.* 2016. Vol. 49, № 2. URL: <https://faithandform.com/feature/searching-new-sacred-space/> (дата обращения: 24.11.2023).
6. *Straughn I.B.* The Aptitude for Sacred Space // *Locating the Sacred: Theoretical Approaches to the Emplacement of Religion* / ed. by C. Moser ; C. Feldman. Oxford : Oxbow Books, 2014. P. 165–180. DOI: 10.2307/j.ctvh1dqff.12.
7. *Шнирельман В.А.* Аркаим и Стоунхендж между прошлым и будущим // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 19–40.
8. *Созина Е.К.* Феномен Аркаима в мифологическом поле современной культуры // Лабиринт : Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 1. С. 80–90. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/labirint/11-2015/27407-fenomen-arkaima-v-mifologicheskoy-pole-sovremennoy-kultury.html> (дата обращения: 24.11.2023).
9. *Holloway J.* Make-Believe: Spiritual Practice, Embodiment, and Sacred Space // *Environment and Planning A: Economy and Space.* 2003. Vol. 35, № 11. P. 1961–1974. DOI: 10.1068/a3586.
10. *Wang P.-F., Ho M.-Ch.* Constructing a Preliminary Model for Designing Sacred Space // *Bulletin of Japanese Society for the Science of Design.* 2011. Vol. 58, № 4. P. 31–40. DOI: 10.11247/jssdj.58.31_3.
11. *Балалеев Н.А.* «Ничья земля» как источник динамики социального пространства // Творчество и культура в свете философской рефлексии. Творчество культуры и культура творчества : сборник научных трудов VI Международной научно-теоретической конференции (16–17 февраля 2018 г.). Ульяновск : УлГТУ, 2018. С. 56–64.
12. *Флиер А.Я.* Миф как универсальный контекст интерпретации культуры // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 6. С. 724–729. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-6-724-729.
13. *Леви-Строс К.* Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / пер. с фр. А.Б. Островского. Москва : Академический проект, 2008. 528 с.
14. *Puppo L.D., Schmoller J.* Introduction: Sacred Geographies and Identity Claims: The Revival of Sacred Sites in the Post-Soviet Space // *Journal of Ethnology and Folkloristics.* 2019. Vol. 13, № 2. P. 124–127. DOI: 10.2478/jef-2019-0017.
15. *Силина В.Е.* Сакрализация археологических памятников Южного Урала на примере заповедника «Аркаим», острова Веры, национального парка «Зюраткуль» // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всероссийской научной конференции / ред. А.Д. Таиров. Челябинск, 2015. С. 433–437.
16. *Яшин В.Б.* Иеротопические мотивы и локусные культы в новых религиозных движениях // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2012. № 3 (109). С. 95–99.

17. Ульчицкий О.А. Типология южноуральских укрепленных поселений эпохи бронзы // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2022. № 3 (54). С. 15–20. DOI: 10.25628/UNIP.2022.54.3.003.
18. Соковиков С.С., Каминская Е.А. Три балета «Аркаим»: легендарное прошлое Южного Урала в современной музыкальной культуре // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2021. № 2. С. 67–77. DOI: 10.33779/2587-6341.2021.2.067-077.
19. Ivakhiv A. Power Trips: Making Sacred Space Through New Age Pilgrimage // Handbook of New Age. Series: Brill Handbooks on Contemporary Religion / eds. by J. Lewis, D. Kemp. Leiden : Brill, 2007. Vol. 1. P. 263–286. DOI: 10.1163/ej.9789004153554.i-484.91.
20. Жукова И.В., Савельева Т.В. Русское неоязычество и его истоки. «Места силы» Южного Урала // Горизонты цивилизации. 2017. № 8. С. 16–37. URL: <https://library.csu.ru/ru/rbooks2/view2?code=vch/horizoncivil/008/002> (дата обращения: 24.11.2023).
21. Голованов И.А. К вопросу о динамике фольклорного сознания (на материале записей сказочной прозы Урала) // Миф — фольклор — литература: проблемы изучения : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа : Изд-во БГУ, 2016. С. 43–52.
22. Sarbova A. The Labyrinth and the Contemporary Sacred Space // Megalithic Monuments and Cult Practices : Proceedings of the Third International Symposium. Blagoevgrad : Neofit Rilski University Press, 2020. P. 383–394.
23. Alt P.L. Sacred Space and the Healing Journey // Annals of Palliative Medicine. 2017. Vol. 6, № 3. P. 284–296. DOI: 10.21037/apm.2017.06.09.
24. Perriam G. Sacred Spaces, Healing Places: Therapeutic Landscapes of Spiritual Significance // Journal of Medical Humanities. 2015, Vol. 36, № 1. P. 19–33. DOI: 10.1007/s10912-014-9318-0.
25. Яшин В.Б. Реактуализация архаических мифо-ритуальных практик в современной России на примере Куатовской иеротопии (социологические и религиозно-ведческие аспекты) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 691. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14593> (дата обращения: 24.11.2023).
26. Шнирельман В.А. Археологическое наследие в контексте региональной и этнической идентичности // Сибирские исторические исследования. 2015. № 2. С. 53–65. DOI: 10.17223/2312461X/8/4.
27. Hassner R.E. “To Halve and to Hold”: Conflicts over Sacred Space and the Problem of Indivisibility // Security Studies. 2003. Vol. 12, № 4. P. 1–33. DOI: 10.1080/09636410390447617.

Spontaneous Hierotopia in Modern Myth-Making: The Case of Arkaim

Sergey S. Sokovikov ^{1a*},
Elena A. Kaminskaya ^{2b**}

¹ Chelyabinsk State Institute of Culture,
1 Ordzhonikidze Str., Chelyabinsk, 454091, Russia

² Institute of Modern Art, 27a Novozavodskaya Str.,
Moscow, 121309, Russia

^a ORCID 0000-0002-2151-2684; SPIN 7477-3224

^b ORCID 0000-0003-0529-0601; SPIN 7839-0945

E-mail: * sokovik49@mail.ru,

** kaminskayae@mail.ru

Abstract. *The phenomenon of spontaneous hierotopia is considered as a process of spontaneous sacralization of places, which, according to the participants of this activity, have supernatural properties. Its development is conditioned, on the one hand, by the effect of the image of the sacred rooted in the cultural consciousness, on the other hand, by modern socio-cultural problems, in relation to which spontaneous hierotopia acts as a compensating factor. This phenomenon has*

insufficiently reflected positive potential embodied in a set of vital functions. Therefore, the aim of this paper is to analyze the peculiarities of spontaneous hierotopia, which expresses the real needs of the subjects involved in this activity, who act outside the institutional systems, including confessional ones. Therefore, their cultural creation is characterized by eclecticism and bricolage way of creating sacred artefacts, which is typical for spontaneous myth — making in general.

The autonomy and uncontrollability of this phenomenon to the generally accepted institutional systems generates a sharply critical reaction from secular (scientific) and religious (traditional-confessional) authorities. The analysis shows the lack of objectivity of such criticism: claims to the unscientific nature of spontaneous hierotopia are unfounded due to the fact that it is based on mythological imagination; the inconsistency with canonical attitudes is an irreversible consequence of personal and creative situational construction of sacred objects.

Concretization of the peculiarities of spontaneous hierotopia, made on the example of the archeological monument Arkaim, allowed to reveal the main regularities of the process of spontaneous sacralization and to establish the urgency of the problems reflected in it. Specific features of the formation of sacralized loci are analyzed. The spe-

cial atmosphere of tolerance, peacefulness and positive interaction inherent in such places due to the totality of their subjective and objective properties is characterized.

Key words: hierotopia, spontaneousness, spontaneity, sacralization, ritualism, Arkaim, place of power, archaeological monument, mythologization, culture-making, philosophy of culture, religious culture.

Citation: Sokovikov S.S., Kaminskaya E.A. Spontaneous Hierotopia in Modern Myth-Making: The Case of Arkaim, *Observatory of Culture*, 2023, vol. 20, no. 6, pp. 658–668. DOI: 10.25281/2072-3156-2023-20-6-658-668.

References

1. Cusack C.M. *Invented Religions: Imagination, Fiction and Faith*. Surrey, England, Ashgate Publ., 2010, 179 p.
2. Kupriyanova E.V. Arkaim Reserve and Problems of the Popularization of Archeology in Southern Ural, *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Chelyabinsk State University. History], 2014, no. 12 (341), issue 60, pp. 22–29 (in Russ.).
3. Lidov A.M. *Ierotopiya. Prostranstvennye ikony i obrazy-paradigmy v vizantiiskoi kul'ture* [Hierotopy. Spatial Icons and Image-Paradigms in Byzantine Culture]. Moscow, Dizain. Informatsiya. Kartografiya Publ., 2009, 352 p. (in Russ.).
4. Eliade M. *The Sacred and the Profane: The Nature of Religion*. Moscow, Izd-vo MGU, 1994, 144 p. (in Russ.).
5. Crosbie M.J., Bermudez J. Searching for New Sacred Space, *Faith & Form: The Interfaith Journal on Religion, Art, and Architecture*, 2016, vol. 49, issue 2, Available at: <https://faithandform.com/feature/searching-new-sacred-space/> (accessed 24.11.2023).
6. Straughn I.B. The Aptitude for Sacred Space, *Locating the Sacred: Theoretical Approaches to the Emplacement of Religion*. Oxford, Oxbow Books Publ., 2014, pp. 165–180. DOI: 10.2307/j.ctvh1dqff.12.
7. Shnirelman V.A. Arkaim and Stonehenge Between the Past and the Future, *Etnograficheskoe Obozrenie*, 2014, no. 5, pp. 19–40 (in Russ.).
8. Sozina E.K. Arkaim Phenomenon in a Mythological Field of Contemporary Culture, *Labirint: Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth: Journal of Social and Humanitarian Studies], 2015, no. 1, pp. 80–90. Available at: <http://www.intelros.ru/read-room/labirint/11-2015/27407-fenomen-arkaima-v-mifologicheskoy-pole-sovremennoy-kultury.html> (accessed 24.11.2023) (in Russ.).
9. Holloway J. Make-Believe: Spiritual Practice, Embodiment, and Sacred Space, *Environment and Planning A: Economy and Space*, 2003, vol. 35, no. 11, pp. 1961–1974. DOI: 10.1068/a3586.
10. Wang P.-F., Ho M.-Ch. Constructing a Preliminary Model for Designing Sacred Space, *Bulletin of Japanese Society for the Science of Design*, 2011, vol. 58, no. 4, pp. 31–40. DOI: 10.11247/jssdj.58.31_3.
11. Balakleets N.A. “No Man’s Land” as a Source of Dynamics of Social Space, *Tvorchestvo i kul'tura v svete filosofskoi refleksii. Tvorchestvo kul'tury i kul'tura tvorchestva: Sbornik nauchnykh trudov VI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii (16–17 fevralya 2018 g.)* [Creativity and Culture in the Light of Philosophical Reflection. Creativity of Culture and Culture of Creativity: Proceedings of the 6th International Scientific and Theoretical Conference (February 16–17, 2018)]. Ulyanovsk, UIGTU Publ., 2018, pp. 56–64 (in Russ.).
12. Flier A.Ya. Myth as a Universal Context of Culture Interpretation, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2017, vol. 14, no. 6, pp. 724–729. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-6-724-729 (in Russ.).
13. Levi-Strauss C. *Totemism Today*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2008, 528 p. (in Russ.).
14. Puppo L.D., Schmoller J. Introduction: Sacred Geographies and Identity Claims: The Revival of Sacred Sites in the Post-Soviet Space, *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 124–127. DOI: 10.2478/jef-2019-0017.
15. Silina V.E. Sacralization of Archaeological Sites of the Southern Urals on the Example of the Arkaim Nature Reserve, Vera Island, the Zyuratkul National Park, *Ehtnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale: materialy VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Ethnic Interactions in the Southern Urals: Proceedings of the 6th All-Russian Scientific Conference]. Chelyabinsk, 2015, pp. 433–437 (in Russ.).
16. Yashin V.B. The Hierotopian Motives and Cults of the Saints Places in New Religious Movements, *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* [Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity], 2012, no. 3 (109), pp. 95–99 (in Russ.).
17. Ulchitskiy O.A. The Typology of South Ural Fortified Settlements Bronze Age, *Akademicheskij Vestnik Ural-NIIproekt RAASN*, 2022, no. 3 (54), pp. 15–20. DOI: 10.25628/UNIIP.2022.54.3.003 (in Russ.).
18. Sokovikov S.S., Kaminskaya E.A. Three “Arkaim” Ballets: The Legendary Past of the Southern Urals in Contemporary Musical Culture, *Problemy muzykal'noi nauki / Music Scholarship*, 2021, no. 2, pp. 67–77. DOI: 10.33779/2587-6341.2021.2.067-077 (in Russ.).
19. Ivakhiv A. Power Trips: Making Sacred Space Through New Age Pilgrimage, *Handbook of New Age. Series: Brill Handbooks on Contemporary Religion*. Vol. 1. Leiden, Brill Publ., 2007, pp. 263–286. DOI: 10.1163/ej.9789004153554.i-484.91.
20. Gukova I.V., Saveleva T.V. Russian Neopaganism and Its Sources. “Places of Force” of South Ural, *Gorizonty tsivilizatsii* [Horizons of Civilization], 2017, no. 8, pp. 16–37. Available at: <https://library.csu.ru/rubooks2/view2?code=vch/horizoncivil/008/002> (accessed 24.11.2023) (in Russ.).
21. Golovanov I.A. To the Question About Dynamics of Folklore Consciousness (Based on the Material of Records of Non-Fairy Tale Prose of the Urals), *Mif – fol'klor* –

- literatura: problemy izucheniya: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Myth — Folklore — Literature: Problems of Study: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Ufa, Izd-vo BGU, 2016, pp. 43–52 (in Russ.).
22. Sarbova A. The Labyrinth and the Contemporary Sacred Space, *Megalithic Monuments and Cult Practices: Proceedings of the Third International Symposium*. Blagoevgrad, Neofit Rilski Univesity Press Publ., 2020, pp. 383–394.
 23. Alt P.L. Sacred Space and the Healing Journey, *Annals of Palliative Medicine*, 2017, vol. 6, no. 3, pp. 284–296. DOI: 10.21037/apm.2017.06.09.
 24. Perriam G. Sacred Spaces, Healing Places: Therapeutic Landscapes of Spiritual Significance, *Journal of Medical Humanities*, 2015, vol. 36, no. 1, pp. 19–33. doi: 10.1007/s10912-014-9318-0.
 25. Yashin V.B. Re-Actualization of Archaic Myth and Ritual Practices in Modern Russia on the Example of Kua-tovka's Hierotopia (Sociological and Religious Aspects), *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2014, no. 5, p. 691. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14593> (accessed 24.11.2023) (in Russ.).
 26. Shnirelman V.A. Archaeological Heritage in the Context of Regional and Ethnic Identity, *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2015, no. 2, pp. 53–65. DOI: 10.17223/2312461X/8/4 (in Russ.).
 27. Hassner R.E. “To Halve and to Hold”: Conflicts over Sacred Space and the Problem of Indivisibility, *Security Studies*, 2003, vol. 12, no. 4, pp. 1–33. DOI: 10.1080/09636410390447617.

НОВИНКА

Читальные залы Российской государственной библиотеки (1862 год — начало XXI века) : монография / С.Н. Артамонова, Т.И. Белоусова, Н.Е. Березина [и др.] ; составитель и ответственный редактор М.Я. Дворкина ; Министерство культуры Российской Федерации, Российская государственная библиотека. Москва : Пашков дом, 2023. 250, [1] с. : ил.

Монография посвящена читальным залам крупнейшей библиотеки Российской Федерации. Дано общее представление о читальном зале как структурном подразделении библиотеки и культурном феномене. Рассмотрена история и современное состояние читальных залов Российской государственной библиотеки. Представлена характеристика важнейших специализированных читальных залов.

Издание может быть полезно руководителям и специалистам в области библиотечного дела и информатизации, представителям вузов культуры, других образовательных учреждений, научных организаций, а также преподавателям, студентам учебных заведений, слушателям системы повышения квалификации и переподготовки специалистов.

Подробная информация:

Российская государственная библиотека,
Издательство «Пашков дом»

119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5

Тел.: +7 (495) 695-59-53, +7 (499) 557-04-70*26-46

E-mail: Pashkov_Dom@rsl.ru, sale.pashkov_dom@rsl.ru

Сайт: www.rsl.ru/pashkovdom